

Ю. В. Степанова

Этнографические материалы для изучения древнерусского костюма Верхневолжья

Iu. V. Stepanova.

Ethnographical Material for the Study of Early Russian Female Costume in the Upper Volga Area.

The elements of Ancient Russian female costume are considered in the article. They are reconstructed by using evidence collected from the burials in the Upper Volga area dated by 11—13 cc. The ancient costume elements find analogies in ethnographic costume of Tver area in 18—19 cc. Headdresses with high front part and cylindrical are localized in the western part of Upper Volga territory, proved by both archeological, and ethnographic material. Sarafan-like clothes were found in the burials of the western and eastern part of the Upper Volga area. In this territory dresses with straps (18—19 cc.) preserved the archaic cut. In the east of the Upper Volga region the archaic clothes with straps can be connected with the Finno-Ugric component in the rural population, both in 11—13, and 16—19 centuries.

Iu. V. Stepanova.

Materiale etnografice pentru studiul costumului din perioada Rusiei Kievene din bazinul superior al r.Volga.

Articolul consideră elementele costumului feminin din perioada Rusiei Kievene, reconstruite în baza materialelor din mormintele din sec.XI-XIII de pe cursul superior al r.Volga, care își găsesc analogiile în costumul etnografic al regiunii Tver în sec. XVIII—XIX. Elementele de costumație ale capului, cilindrice și cu partea frontală înălțată se localizează în partea de vest a regiunii Volgii de Sus, atât din punct de vedere arheologic cât și etnografic. Îmbrăcămintea de tip sarafan este fixată în inventarul unei serii de morminte din vestul și estul cursului superior al Volgii. În aceleași regiuni este fixată prezența costumului cu chingi din sec. XVIII-XIX, ce a păstrat elementele arhaice. În estul Volgii de Sus, prezența îmbrăcăminții cu chingi de aspect arhaic este, probabil, legată, de prezența unui component fino-ugric în populația locală atât din sec. XI—XIII, cât și sec. XVI—XIX.

Ю. В. Степанова.

Этнографические материалы для изучения древнерусского костюма Верхневолжья.

В статье рассматриваются элементы древнерусского женского костюма, реконструированные по материалам погребений Верхневолжья XI—XIII вв., которые находят аналогии в этнографическом костюме Тверской земли XVIII—XIX вв. Головные уборы с высокой передней частью и цилиндрические локализуются в западной части Верхневолжья, как по археологическим, так и по этнографическим материалам. Сарафанообразная одежда прослежена по материалам ряда погребений запада и востока Верхневолжья. В этих же районах данной территории зафиксирована ляточная одежда XVIII—XIX вв., сохранившая архаичный крой. На востоке Верхневолжья существование архаичной ляточной одежды связано, по-видимому, с присутствием финно-угорского компонента в составе населения как XI—XIII вв., так и XVI—XIX вв.

Keywords: Ancient Russia, archeological sites, traditional costume, jewelry, Slavs, Finno-Ugric peoples.

Cuvinte cheie: Rusia Kievană, situri arheologice, îmbrăcămintea tradițională, costum, etnografie, podoabe, slavi, fino-ugri.

Ключевые слова: Древняя Русь, археологические памятники, традиционная одежда, костюм, украшения, славяне, финно-угры.

Основными для большинства исследователей древнерусского костюма являются археологические источники. Археология, как правило, имеет дело с аксессуарами костюма. Они составляют значительную часть в круге русских древностей — в основном это различ-

ные украшения и застежки. Таким образом, работа по изучению комплекса древнерусского костюма неразрывно связана с изучением в целом средневековых древностей. Однако в этом содержатся как преимущества археологических источников по истории одежды

и костюма, так и трудности, связанные с их изучением. Недолговечная основа внешнего убранства (ее формы практически отсутствуют) сама одежда, «фон», на который накладываются аксессуары, как правило, исчезает. Целые образцы одежды являются крайне редкими археологическими находками. В связи с этим практически все исследователи древнерусского костюма, опираясь на археологические источники, прибегают к этнографическим аналогиям.

Неоспоримым является факт, что археологические данные по Древней Руси и данные этнографических источников XVIII—XX вв. разделяются значительным хронологическим периодом, вследствие чего следует с осторожностью проводить аналогии, в особенности при реконструкции отдельных экземпляров костюма. В то же время, при выделении отдельных видов древнерусской одежды археологами привлекаются разработанные этнографами типологии русского костюма (Зеленин 1991: 242—272; Гринкова 1936: 21—34; Маслова 1987: 259—291). Так, в работах М.А. Сабуровой и В.В. Седова на материалах конкретных памятников были произведены сопоставления с данными этнографии (Сабурова 1988: 266—272; Седов 1994: 115—123). Полученные выводы свидетельствуют о правомерности этих сопоставлений. Таким образом, при изучении и реконструкции древнего костюма необходимо знание реликтовой одежды, ее типологии и закономерностей формирования. Это позволяет подтвердить и уточнить полученные выводы о видах костюма, их культурной интерпретации и хронологии.

Изучение материалов погребальных памятников X—XIII вв. Верхневолжья позволяет выявить некоторые элементы погребального костюма, которые находят аналогии в материалах поздней этнографии. Так, например, это отдельные детали головных уборов. Прежде всего, следует отметить, что древнерусский женский головной убор, так же как и этнографический, был многосоставным, и археологические данные это подтверждают. Интересное соотношение просматривается и в типах «археологических» и этнографических головных уборов. Несмотря на фрагментарность археологических источников, по материалам древнерусских погребений Верхневолжья фиксируется полотенчатая часть головного убора, расшитая бусами и бисером, металлическими бляшками (Березовецкий могильник, Избрижье, Суходол). Найдена и твердая основа головного убора в виде берестяного кружка (памятники западной и центральной частей

Верхневолжья — Березовецкий могильник, Избрижье, Большая Коша), украшенная металлическими пронизками, бусами, привесками (рис. 1: 2). Интересно, что именно в западной части Тверской губернии XVIII—XIX вв. были известны высокие цилиндрические головные уборы (рис. 1: 1, 3).

В погребениях курганной группы Суходол (Ржевский район Тверской области) были найдены уникальные головные украшения в виде высоких бронзовых фигурных пластин (Дашкова, Дворников, Хохлов 1993: 89—142),

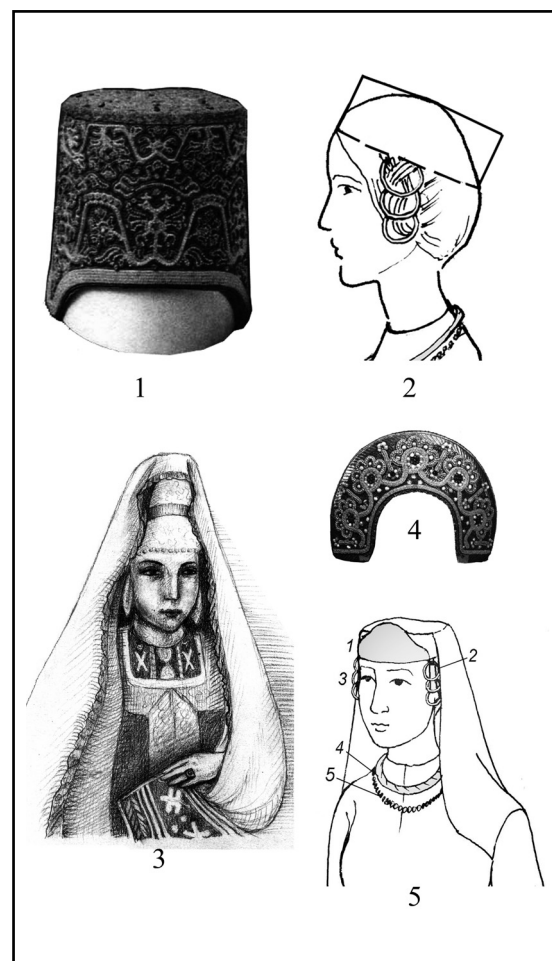

Рис. 1. Женские головные уборы XVIII—XIX вв. и реконструированные по материалам древнерусских погребений Верхневолжья. 1 — цилиндрический кокошник (Осташковский уезд, Тверская губерния); 2 — берестяной головной убор с височными кольцами по материалам погребения из кургана № 15 могильника Большая Коша (Селижаровский р-н, Тверская область); 3 — праздничный наряд ржевitianки (прорисовка изображения; по А.Н. Вершинскому); 4 — кокошник (Нашинский уезд, Тверская губерния); 5 — реконструкция убора по материалам погребения из кургана № 2 могильника Суходол (Ржевский р-н Тверской области): 1 — налобная часть головного убора из фигурной бронзовой пластины, 2, 3 — браслетообразные височные кольца, 4 — гривна, 5 — ожерелье из бус.

№6. 2010

украшавших переднюю часть головного убора (рис. 1: 5). Такой убор по форме напоминает высокий лопатообразный кокошник или коруну — девичий головной убор XVIII—XIX вв., находки которых тоже известны на территории Верхневолжья (рис. 1: 4). Здесь следует отметить, что для территории Ржевского уезда XVIII—XIX вв. были характерны высокие головные уборы (Вершинский 1913: 32) (рис. 1: 3). Самобытным типом головного убора были и сороки с высоким сужающимся верхом, бытовавшие на территории соседнего Зубцовского уезда (Калмыкова 1995: 194). Как по археологическим, так и по этнографическим материалам известны косники из плетеных шнуров и бахромы, украшавшие прическу и головной убор.

Различные виды традиционной одежды XVIII—XIX вв. также находят аналогии в археологических материалах. Так, в ряде погребений Верхневолжья обнаружены пуговицы, а также отдельные бусины, расположенные в области шеи, иногда по 3—5 вертикально в ряд. Такое расположение этих бусин и пуговиц, по-видимому, соответствует небольшому разрезу по горловине, в центре или слева. Разрез мог оформляться воротником-стойкой или узкой полосой ткани или оставался без воротника. По мнению этнографов, разрез, идущий от ворота, первоначально делался посередине груди у всех трех восточнославянских народов, и лишь у русских впоследствии распространилась косovorotka (Маслова 1987: 259—262). В то же время, воротники с асимметричной застежкой реконструируются по материалам женских и мужских погребений территории Руси второй половины XI — начала XII вв. (Сабурова, Елкина 1991: 53—72; Энгватова, Орфинская, Голиков 2005: 176—196). Подобное оформление выреза горловины наблюдается по материалам как женских, так и мужских погребений Верхневолжья X—XIII вв. Возможно, конструкции женских и мужских рубах в то время не имели больших различий. Обращает на себя внимание и тот факт, что мужская и женская нижняя одежда в письменных источниках XII—XV вв. называется одинаково — сорочица, сорочка (Рабинович 1986: 86; Степанова 2005: 96).

Этнографы относят одежду Тверской земли к типу северо-великорусской (Калмыкова 1995: 165; Лебедева 2003: 39). Для этого типа характерна лямочная верхняя одежда, причем сарафаны некоторых уездов сохранили местные названия и архаический крой. Так, например, ржевские «насовы» и осташковские «костоланы» по своему крою от-

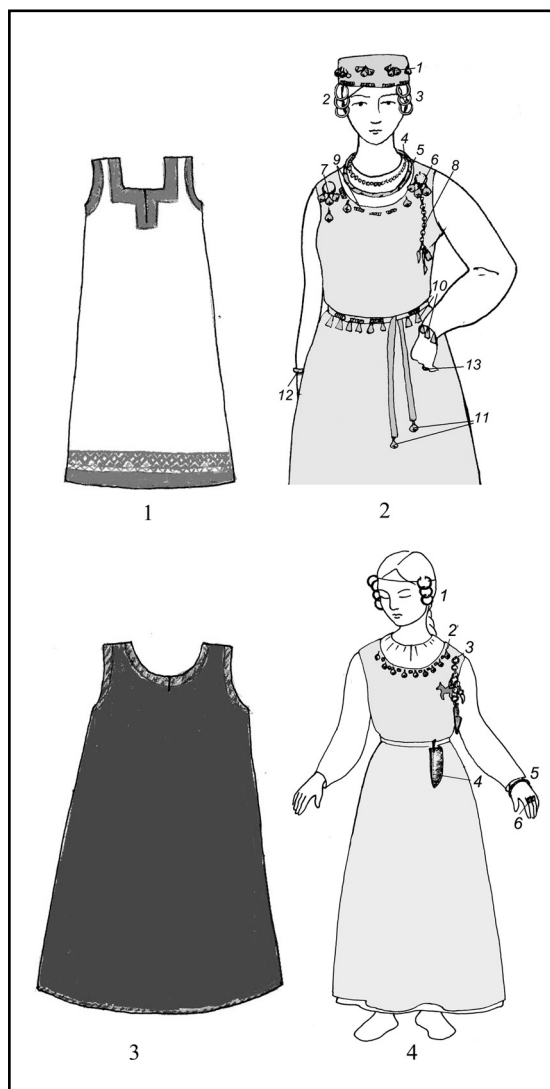

Рис. 2. Лямочная женская одежда XVIII—XIX вв. и реконструированная по материалам древнерусских погребения Верхневолжья. 1 — костолан (Ржевский уезд Тверской губернии); 2 — реконструкция женского костюма по материалам погребения 3 кургана № 21 могильника Большая Коша (Селижаровский р-н Тверской области): 1 — берестяной головной убор, 2, 3 — височные кольца, 4 — ожерелье из бус, 5 — гривна, 6, 7 — парные связки бубенчиков, 8 — цепочка, 9 — металлические пронизки, 10 — трапециевидные привески, 11 — бубенчики, 12 — браслет, 13 — перстень; 3 — сарафан-«глухарь» (Весьегонский уезд, Тверская губерния); 4 — реконструкция женского убора по материалам погребения 2 в кургане № 65 могильника Глинники (Юнаковский р-н Тверской области): 1 — височные кольца, 2 — бубенчики, 3 — цепочка, 4 — нож, 5 — браслет, 6 — перстни.

носятся к нераспашной одежде (рис. 2: 1). По мнению Н.П. Гринковой, такая одежда представляет собой переходную форму от костолана Бельского уезда Смоленской губернии к северо-великорусскому сарафану (Калмыкова 1995: 181). Материалы

древнерусских погребений западной части Верхневолжья (Ржевский район) позволяют говорить о существовании у древнерусского населения этой территории лямочной одежды. Она реконструируется по наличию парных наплечных украшений в виде связок бубенчиков, по расположению бляшек и привесок (Большая Коша, Суходол, Усть-Суходол, Гульцово) (рис. 2: 2). Костюм с аналогичными украшениями характерен и для памятников Смоленской земли XI—XIII вв. (Харлапово) (Шмидт 1957: 184—281). Таким образом, археологические и этнографические материалы демонстрируют тесную связь западной части Верхневолжья со Смоленской землей, сохранявшуюся на протяжении нескольких столетий. Расселение смоленских кривичей на территории Верхневолжья в X—XIII вв. отразилось в особенностях традиционного костюма, и впоследствии это надолго сохранилось в покрое местной женской одежды.

В восточных и северо-восточных районах Тверской губернии в XVIII—XIX вв. бытовали архаичные сарафаны с широкими лямками туникообразного покроя (Весьгонский, Кашинский уезды) (рис. 2: 3). Она называлась «глухарь» (Соснина, Шангина 1998: 55). Такой сарафан напоминает одежду финно-угорских народов северо-запада Руси. Подобный сарафан и в XVIII — начале XX в. был типичным для води, карел, ижоры (Русские 1986: 193—263). По археологическим материалам в этих районах также реконструируется лямочная одежда. Об ее присутствии косвенно свидетельствует горизонтальное расположение бубенчиков и цепочек в нагрудной зоне погребений (Глинники, Сорогожское, Мотыли), парные украшения на плечах (Плешково 1, Сорогожское, Бежицы) (рис. 2: 4). Такое украшение, возможно, фиксирует вырез сарафанообразной одежды глухого покроя. Можно предположить, что на данной территории «сарафан» глухого покроя, вероятно, с цельнокроенными лямками, сформировался уже в XI—XIII вв.

Особенностью ряда женских погребений восточной части Верхневолжья является наличие бронзовых или биллоновых фибул, располагающихся в центре нагрудной зоны (Плешково 1, Сорогожское, Выркино 7). Такие находки в женских погребениях Верхневолжья более нигде не встречаются. Возможно, что фибулы застегивали края наплечного покрывала или распашной одежды с рукавами. Женская одежда, застегивающаяся фибулами, широко представлена в материалах погребальных памятников поволжских финнов VI—VIII вв. — мери, муромы, мордвы,

в рязано-окских могильниках. В частности, Т.А. Кравченко реконструировала по захоронениям в Шатрищенском могильнике комплекс женского костюма, состоящий из рубахи и короткой верхней одежды, нагрудная часть которой украшалась фибулой или нашивной бляхой (Кравченко 1974: 137, 138). По данным этнографии, короткая верхняя одежда характерна для уральских и поволжских финнов — удмуртов, мордвы-эрзи.

Здесь необходимо отметить тот факт, что древнерусский костюм и погребальный обряд восточных районов Тверской области сохранил значительное количество элементов, рассматриваемых исследователями как традиции дославянского финно-угорского и балтского населения. Прежде всего, это шумящие украшения, концентрирующиеся в погребениях восточных районов Верхневолжья. Для костюма XI—XII вв. этой территории характерны перстнеобразные и среднего диаметра височные кольца с заходящими концами, рассматриваемые В.В. Седовым как признак славянизированного финно-угорского населения (Седов 1982: 195). Найдены здесь и втульчатые височные кольца. Среди других признаков сложного этнического состава населения восточных районов Верхневолжья — наличие меридиональной ориентировки, лепная посуда горшковидных форм, имеющая аналогии на поселениях и могильниках Верхнего Поволжья и Волго-Клязьменского междуречья и восходящая к мерянской керамике VII—X вв. Необходимо отметить, что часть населения восточных районов Верхневолжья, по-видимому, была переселена из земли мери. Об этом свидетельствуют, прежде всего, украшения, выполненные в «мерянском стиле», в большом количестве найденные на памятниках этой территории (могильники Плешково 1, Посады, Воробьево 1, Колдобеево, Бежецы, Выркино 7, Кашин). По мнению К.И. Комарова, расселение мери на данной территории могло быть следствием как княжеской политики, так и частичного вытеснения мерянского населения на окраины Ростовской земли по мере ее заселения славянами (Комаров 2002: 155).

Таким образом, археологические материалы говорят о бытовании на востоке Верхневолжья в древнерусское время традиций неславянского населения, прежде всего местного и пришлого финно-угорского, а этнографические свидетельствуют об их сохранении в традиционной одежде.

В заключение следует упомянуть еще и о такой этнографической группе территории Тверской земли, как тверские карелы, появив-

№6. 2010

шейся в результате переселения сюда карел в XVI—XVII вв. Наиболее крупные группы тверских карел сформировались на территории северо-восточных и северных районов современной Тверской области (Спировский, Лихославльский, Бежецкий, Весьегонский, Максатихинский). Возможно, что наиболее интенсивное расселение карел именно в этих районах не было случайным. Вполне вероятно, что к этим местам карел привлекали не только природные условия, но и близость культурных традиций, сохранившихся у местного населения с конца I — начала II тыс. н. э.

По-видимому, выделенные элементы «археологического» костюма Верхневолжья отражают начальные стадии формирования традиционного русского женского костюма

на этой территории. Думается, закономерным является то, что отличительные особенности женского костюма зафиксированы в одних и тех же районах Верхневолжья (юго-западных и восточных) — и по археологическим данным XI—XIII вв., и по материалам этнографии XVIII—XIX вв. Эти факты свидетельствуют о глубокой традиционности и консервативности народного костюма, прежде всего, сельского населения. В случае с костюмом восточных районов Тверской земли вполне возможно, что отразившиеся в нем традиции финно-угорского местного и пришлого населения XI—XIII вв. были продолжены в XVI—XVII вв. переселившимся сюда карельским населением, что способствовало сохранению этих традиций в костюме вплоть до начала XX в.

Литература

- Вершинский А. Н. 1913. *Материалы по истории древнерусской одежды*. Старица.
- Гринкова Н. П. 1936. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту. *Советская этнография* (2). Москва: Наука, 21—54.
- Дашкова И. А., Дворников А. С., Хохлов А. Н. 2003. Предварительные итоги исследования комплекса древнерусских памятников у деревень Холмово-Суходол в 1985—1987 годах. В: Арсланова Ф. Х. (отв. ред.). *Археологические исследования в Верхневолжье*. Тверь: ТвГУ, 89—142.
- Зеленин Д. К. 1991. *Восточнославянская этнография*. Москва: Наука.
- Калмыкова Л. Э. 1995. *Народное искусство Тверской земли*. Тверь: РИФ ЛТД.
- Комаров К. И. 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Археологические статьи и материалы: Сборник участников Великой Отечественной войны*. Тула: Гриф и К, 141—189.
- Кравченко Т. А. 1974. Шагрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.). В: Монгайт А. Л. (отв. ред.). *Археология Рязанской земли*. Москва: Наука, 116—183.
- Лебедева С. Н. 2003. Прошлое и настоящее тверского народного костюма. В: *Современные проблемы развития гуманитарной науки по результатам регионального конкурса 2003 года «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее»*. Тверь: Знание, 39—40.
- Маслова Г. С. 1987. Одежда. В: Бромлей Ю. В. (отв. ред.). *Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры*. Москва: Наука, 259—291.
- Рабинович М. Г. 1986. Древнерусская одежда IX—XIII вв. В: Рабинович М. Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 40—61.
- Русские. Историко-этнографический атлас*. 1986. Москва: Наука.
- Сабурова М. А. 1988. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии. В: Тимощук Б. А. (отв. ред.). *Древности славян и Руси*. Москва: Наука, 266—272.
- Сабурова М. А., Елкина А. К. 1991. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля. В: *Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси*. Москва: ИА АН СССР, 53—112.
- Седов В. В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Археология СССР. Москва: Наука.
- Седов В. В. 1994. *Очерки по археологии славян*. Москва: Наука.
- Соснина Н., Шангина И. 1998. *Русский традиционный костюм. Энциклопедия*. Санкт-Петербург.
- Степанова Ю. В. 2005. Элементы древнерусского костюма по письменным источникам XII—XV вв. и данные археологии. В: Коньявская Е. Л. (отв. ред.). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 3 (21). Москва: РФК-Имидж Лаб, 96—97.
- Шмидт Е. А. 1957. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье. В: *Материалы по изучению Смоленской области*. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 184—281.
- Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П. 2005. Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля. В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Русь в IX—XIV веках: взаимодействие Севера и Юга*. Москва: Наука, 176—196.

Статья поступила в номер 5 октября 2009 г.

Iulia Stepanova (Tver, Russia). Candidate of historical sciences. Tver State University.

Iulia Stepanova (Tver, Rusia). Candidat în științe istorice. Universitatea de Stat din Tver.

Степанова Юлия Владимировна (Тверь, Россия). Кандидат исторических наук. Тверской государственный университет.

E-mail: m000142@mail.ru